

DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-1-2-239-255

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗНЫХ ЖАНРОВЫХ ФОРМ В ПАМЯТНИКАХ XII–XVII ВВ. И УМОНАСТРОЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ АВТОРОВ

© 2016 г. А. С. Демин

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 25 июля 2016 г.

Аннотация: Статья посвящена неизученной проблеме поэтики древнерусской литературы — семантическому взаимодействию различных жанровых форм в памятниках — и является, пожалуй, первым неисчерпывающим опытом такого рода исследования. Привлечено для наблюдений пять очень различающихся памятников. В первом разделе статьи рассматривается сочетание исторического повествования с поучениями, похвалами и библейскими экскурсами в «Повести временных лет» начала XII в. и делается вывод о недовольстве летописца нерадивостью слушателей и читателей. Во втором разделе рассматривается сочетание фактографического изложения и поучений в «Новгородской первой летописи» XIII–XIV вв. и делается вывод о крайне суровой настроенности летописца по отношению к современникам. В третьем разделе рассматривается цикл из двух произведений московского дьяка Родиона Кожуха в составе «Софийской второй летописи» под 1460 г. и на основе сочетания агиографического и летописного типов повествования делается вывод о личной склонности автора к изобразительности его рассказов. В четвертом разделе рассматривается сочетание прозаических и рифмованных отрывков в «Сказании» Авраамия Палицына 1620-х гг. и делается вывод о склонности автора к философскому осмыслению событий Смуты. Наконец, в пятом разделе рассматривается сочетание стихотворного сюжетного повествования со стихотворными наставлениями в «Повести о Горе-Злочастии» 1660-х гг. и делается вывод о пессимистическом умонастроении неизвестного поэта. В заключении подводится сугубо предварительный итог: взаимодействие различных жанровых форм изложения было характерно издавна и для всей древнерусской литературы. Многообразие задач и умонастроений побуждало авторов к использованию разных жанровых типов повествования.

Ключевые слова: древнерусская литература, поэтика, жанровые типы изложения, фразеология.

Информация об авторе: Анатолий Сергеевич Демин — доктор филологических наук, заведующий Отделом древнеславянских литератур, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: anatolydemin@gmail.com

INTERACTION OF VARIOUS GENERIC FORMS IN THE 12TH-17TH CENTURY TEXTS AND THE MINDSETS OF OLD RUSSIAN AUTHORS

Anatoly S. Demin

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Received: July 25, 2016

Abstract: The essay focuses on the understudied question of the poetics of Old Russian literature: it is the first study of the kind that analyzes semantic interaction of different generic forms in the works of the period. The essay is comprised of five sections each devoted to a specific work. The first section examines historical narrative in its relation to sermons, eulogies, and biblical excerpts in *The Tale of Bygone Years* (the beginning of the twelfth century) and comes to the conclusion that the chronicler was not content with the negligence of his listeners and readers. The second section examines the interrelation of factual material and sermon in *Novgorodskaa First Chronicle* (the thirteenth and fourteenth centuries) and reveals the chronicler's severe attitude towards his contemporaries. The third section examines a series of two works by Moscow Dyak Rodion Kozhuh as part of *Sofiyskaya Second Chronicle* and shows the author's personal inclination to the expressiveness of style. The fourth section examines a combination of prosaic and rhymed fragments from the *Saying of Avraamy Palitsyn* written in the 1620s and comes to the conclusion that the author was inclined to philosophically reflect on the Time of Troubles. Finally, the fifth section examines a combination of the rhymed narrative with poetical sermons in *The Story of Unfortunate Misfortune* (1660s) and shows the author's pessimistic mindset. The essay ends with a very tentative conclusion: the interaction of different generic forms of narration was typical for the whole of Old Russian literature. The variety of purposes and mindsets prompted authors to employ various generic types of narration.

Keywords: Old Russian literature, poetics, generic types of narration, phraseology.

Information about the author: Anatoly S. Demin, DSc in Philology, Professor, Head of Old Slavic Literatures Department, A. M. Gorky Institute of the World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: anatolydemin@gmail.com

Взаимодействие разных жанровых форм в древнерусской литературе как явление поэтики почти не изучено. А между тем это време-

нами еще один эстетически значимый смысловой пласт в произведениях Древней Руси. В данной статье в виде опыта мы исследуем лишь несколько памятников — каждый с явственно связанными в тексте друг с другом разными типами изложения то внутри произведения, то между произведениями. В результате что-то добавляется к характеристике древнерусских авторов.

«Повесть временных лет»: недовольство читателями

Типы изложения в «Повести временных лет» полно и точно классифицированы и объяснены И. П. Ереминым, Д. С. Лихачевым, О. В. Твороговым. Что дальше? Мы же проведем наблюдения за *сочетанием* некоторых из этих форм изложения в летописи.

Главными формами изложения в «Повести временных лет» являются: обширное историческое повествование и без предупреждений вставленные в него поучения, похвалы и библейские экскурсы — ясно, для чего: чтобы разъяснить читателям значение событий.

Рассмотрим, как граничат друг с другом эти формы повествования, а именно отметим резкость их вставок в рассказы о событиях. Резкость поучительных вставок видна по их начальным фразам, чаще всего со вступительным словом «се» и его производными («се же бысть, яко же при Соломоне...»¹ [11, стб. 62, под 955 г.]; «се же беаше <...> видь ангелескъ» [11, стб. 284, под 1110 г.]; «се есть новии Костянтинъ великого Рима» [11, стб. 130, под 1015 г.]; «се же Богъ показа...» [11, стб. 130, под 1019 г.]; «сиця ти есть бесовьская сила...» [11, стб. 188, под 1017 г.]; и мн. др.). Нередки также вступительные слова «темь же», «такъ», «бе бо...», «сице глаголя» и пр.

Отграничения таких вставных, нередко пространных поучений, похвал и экскурсов от последующего собственно летописного изложения еще более резки, они обрываются обозначением следующего года или иной новостью того же года («В се же лето...»), либо возвращением к предыдущему историческому повествованию («Мы же на предълежащее възвратимся»; «Володимеръ же...»; «Всеволодь же...»; и т.д.).

Манера резкой компоновки текстов из исторического повествования и из оценок событий самим автором, кажется, являлась индивидуальной чертой именно Нестора и проявилась в составленных им произведениях: не только в «Повести временных лет», но также в «Житии Феодосия Печерского», в «Чтении о Борисе и Глебе» и в двух или трех «словах» в начале «Киево-Печерского патерика»

¹ «Повесть временных лет» цит. по: [11].

(«слова» третье, шестое и девятое — об основании Печерской церкви, о прозвании Печерского монастыря, о пренесении мощей Феодосия Печерского). Похвалы или поучения в роли вспомогательно-пояснительной формы изложения в этих произведениях были невелики и начинались внезапно со слов «кто» или «что» («Житие»: «*Къто* исповесть милосърдие Божие? Се бо...» [8, с. 306]; «*Кто* бо не почюдится блаженууму сему...?» [8, с. 334]; «Чтение»: «*И кто* не подивится святыма сима?» [1, с. 25]; «Патерик»: «*Что* сего, братие, чуднее?» [9, с. 422]; или же начинались со слов «тем же» и «тако» («Житие»: «*Тем же* и мы, братие, потъщимся...» [8, с. 308]; «*Тако* ти тъщание бе...» [8, с. 370]; «Патерик»: «*Темъ же* и мы рцемъ...» [9, с. 432]; «*Тем же* лепо есть...» [9, с. 440]); или — «Вижте» («Чтение»: «Видите ли, братие...» [1, с. 9, 25]; «Патерик»: «*Вижъте* ми досточюднаго сего мужа...» [9, с. 448]).

Резкость поучительных и пояснительных вставок нужна была для того, чтобы читатели сразу различали и понимали их роль.

Теперь обратим внимание все-таки на связность вставок с историческим повествованием. Разные формы изложения летописец нередко связывал в целое смысловыми и фразеологическими лейтмотивами. Например, историческое повествование о княгине Ольге летописец завершил резким переходом к ее похвале («*Си бысть* предътекущая крестьяньстеи земли» [11, стб. 68, под 969 г.]). Однако в похвале летописец развил те мотивы, которые уже присутствовали в историческом повествовании. Так, похвала образно подчеркнула одиночество Ольги-христианки в языческой Руси: «*си бысть <...> аки* деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ светомъ, *си бо* съяше, аки луна в нощи, тако и *си* в неверныхъ чловецехъ святащяся, аки бисерь в кале» [11, стб. 68]. В предшествующем историческом повествовании уже говорилось об одиночестве Ольги; Ольга жаловалась: «...люди мои пагани и сынъ мои» [11, стб. 61, под 955 г.], единственный сын ее Святослав «се же к тому гневашеся на матеръ» [11, стб. 64, под 955 г.], ему было «не жаль матери стары суща», он хотел покинуть Ольгу «болну сущю» [11, стб. 67, под 968 и 969 гг.].

Далее в похвале Ольге провозглашалось: «...сию бо хвалят рустье сынове <...> се бо вси чловеци прославляють <...> на многа лета» [11, стб. 68]. Но до этого в историческом повествовании то же ей обещал византийский патриарх: «...благословена ты в женах русских... благословити тя хотять сынове рустии в последний родъ внукъ твоихъ» [11, стб. 61, под 955 г.].

В похвале Ольге отмечалось: она «въ новии Адамъ облечеса, еже есть Христось» [11, стб. 68]; раньше в историческом повествовании патриарх соответственно укреплял Ольгу: «во Христа облечеса» [11,

стб. 61]. Похвала призывала Ольгу: «радуися руское познанье къ Богу» [11, стб. 68]. И этот мотив уже тоже прозвучал в историческом повествовании: «радовашеся душею и теломъ» [11, стб. 61]; «Бога познахъ и радуясь» [11, стб. 63, под 955 г.].

Еще. Похвала: Ольга «по смерти моляше Бога за Русь» [11, стб. 68]. Ср. до того под 955 г.: «моляшеся за сына и за люди» [11, стб. 64].

Заканчивалась похвала выводом: Господь «защитиль бо есть сию блажену Вольгу от противника и супостата дьявола» [11, стб. 69]. Ранее, в рассказе о крещении под 955 г. Ольга уже просила: «...да сохранена буду от сети неприязнены», и патриарх ее заверил: «Христось имать сохранити ты... и тя избавить от неприязни и от сетии его» [11, стб. 61–62]. «Блаженной» Ольга неоднократно была названа и до похвалы.

Разные и отделенные друг от друга повествовательные формы о княгине Ольге летописец связал повторением мотивов и фраз.

Те же мотивы летописец многократно повторял до самого конца «Повести временных лет», как в историческом повествовании о других лицах, так и в примыкающих о них похвалах. Чаще всего упоминались радость по поводу принятия христианства и защищенность от дьявола, а также призывы хвалить Бога, блаженных и подвижников. Д. С. Лихачев уже отметил фразеологическое сходство между похвалами Ольги и Владимиру под 969 и 1015 гг. [10, с. 445]. Но букет тех же мотивов летописец повторил в комплексе рассказов и похвал Борису и Глебу под 1015 г. и Феодосию Печерскому под 1091 г.

Повторы не минули и библейских экскурсов. Например, под 1073 г. сообщалось о захватнических распрях князей вопреки отцовскому завещанию («преступивше заповедь огню... преступивъ заповедь огню» [11, стб. 182, 183]), и те же выражения летописец с еще большим старанием повторил, перейдя к краткому поучительному экскурсу («преступающе заповедь отца своего... преступиша... преступи... заповедь отца своего... преступати предела чужего» [11, стб. 183]).

По форме наиболее были распространены фразеологические связи, когда ключевое понятие исторического повествования многократно повторялось в примыкавшем поучении. Так, под 988 г. однажды упомянутое понятие «новыя люди» (118) многообразно повторяла похвала: «...обновленьем духа... новыя люди... песнь нову... въ обновленьи житья... се быша новая... новыи людье» [11, стб. 119–121]. Под 1074 г. еще многочисленней и чаще следовали повторы понятия «пост», «поститися», «постное время» [11, стб. 183–186].

Иногда летописец в историческом повествовании и сопутствующем поучении повторял комплексы понятий и выражений. Вот, например, под 1078 г. повторялось главное: «...азъ сложду главу свою

за тя... погыбе... за брата своего, положи главу свою... положю главу свою за тя ... положи главу свою за брата своего ... положить душу свою за другы своя ... проляя кровь за брата своего» [11, стб. 201–204]. Но кроме стержневого повтора звучали и дополнения: «...выгнаша ... блудиль ... бех по чюжимъ землямъ» [11, стб. 200] — «...выгнаша ... по чюжеи земли блудя» [11, стб. 203]; «не створих зла» [11, стб. 200] — «не вдасть зла» [11, стб. 202]; «утеши» [11, стб. 201] — «утеши» [11, стб. 202], «утешайте» [11, стб. 203]. И др.

О чем свидетельствовали такие повторы? Предполагаем, что странность поучений, резкость поясняющих вставок и особенно повторы отражали мнение летописца о возможных читателях летописи. Правда, неясно, на кого ориентировался летописец. Прямых или косвенных обращений к читателям в летописи нет, кроме неопределенно широкого упоминания «нас». Скорее всего, летописец в первую очередь имел в виду князей и киево-печерских монахов, раз писал преимушественно о них.

Повторы, возможно, были обусловлены интеллектуальным уровнем примерно этого круга читателей, нуждавшихся во внушении и пребывавших в невежественном людском окружении. Поэтому летописец с досадой поминал многочисленных невежд («бяху бо людие <...> невегласи» [11, стб. 32, под 907 г.]; волхвов «невегласи послушаху» [11, стб. 174, под 1071 г.]; «друзии же закиханью верують» [11, стб. 170, под 1068 г.]; «ини же не сведуще рекоша, яко...» [11, стб. 9]; и пр.). А знающих персонажей, читающих книги и как-то помнящих историю, набиралось у летописца совсем мало: княгиня Ольга («аки губа напаяема, внимающи ученья» [11, стб. 61, под 955 г.]); князь Владимир Святославович, которому было «чюдно слушати» речь философа о библейской истории [11, стб. 106, под 987 г.]; князь Ярослав Владимирович («книгамъ прилежа и почитая е часто» и ценивший «отець своихъ и дедъ своихъ» [11, стб. 151 и 161, под 1037 и 1054 гг.]); и еще князь Владимир Всеволодович Мономах, который знал, что именно «бывало есть в Русьскеи земли <...> при дедех наших <...> при отцихъ наших» [11, стб. 262, под 1097 г.]. Знания прочих князей не удостоились упоминаний.

Из менее знатных был выделен монах Еремия, «иже помняше крещенье земле Русьския» [11, стб. 189, под 1074 г.] и еще, возможно, «Янь, старецъ добрый», от которого летописец «многа словеса» вписал «в летописаньи семь» [11, стб. 281, под 1106 г.].

Из митрополитов отмечены лишь два: один «мужъ блазь и книжень» [11, стб. 156, под 1051 г.], другой «хытьр книгамъ и ученью <...> сякого не бысть преже в Руси, ни по немъ не будетъ сякъ» [11, стб. 208, под 1089 г.]. Зато его преемник «бе же се мужъ не книжень, и умомъ простъ, и просторекъ».

Для подтверждения предположения о нерадивости читателей и слушателей начала XII в. отсылаем к известным замечаниям о читателях в «Изборнике» 1076 г., в «Поучении» Владимира Мономаха и особенно в предисловиях к произведениям и сборникам того времени [3, с. 120–126].

Что же касается повторов в агиографических произведениях Нестора, то в них, в отличие от летописи, преобладали похвалы, разъяснительных вставок было гораздо меньше, а намеки на недостаточный интеллектуальный уровень читателей и их окружения отсутствовали (лишь только два раза Нестор призвал «братию» ко внимательности: «Нъ послушайте, братие, съ вьсяцемъ прилежаниемъ» — «Житие» [8, с. 306]; «И еще, възлюблени, предложу слово на утверждение ваше» — «Патерик» [9, с. 422]). Вероятно, агиография предназначалась Нестором в первую очередь для милых его сердцу монашествующих.

Показательно также, что в конце третьей редакции «Повести временных лет» (под 1110–1111 и 1113–1114 гг.) к историческому изложению добавлялись только исторические же экскурсы и нигде — похвалы или поучения. Читатели летописи, вероятно, начали теперь нуждаться больше в исторических подробностях, чем в общих поучениях.

Затем, в летописях XII–XIII вв. такие вставки постепенно исчезли: во «Владимиристо-Суздальской летописи» похвалы были заимствованы из «Повести временных лет», а повествование «Новгородской первой летописи» (кроме двух поучений под 1239 и 1269 гг., с отзвуками «Повести временных лет») и в «Галицко-Волынской летописи» (кроме начальной похвалы-предисловия) уже было целиком историческим, без более или менее развитых похвал и поучений.

Таков эпизод из истории влияния уровня древнерусских читателей на поэтику произведений — тема, еще не исследованная с нужной глубиной.

«Новгородская первая летопись»: суровость

Для повествования «Новгородской первой летописи» о событиях XIII–XIV вв. (с 1230 г. по 1399 г.) характерно частое сочетание более или менее кратких фактографических сообщений о военных поражениях, природных катаклизмах, пожарах, моровых болезнях, мятежах и кратких же поучений, нередко одной фразой, по поводу случившегося.

Все эти поучающие обращения летописца к современникам традиционны и, как в «Повести временных лет», содержат ссылки на «грехи наши», «Божий гнев» и «казнь», призывы к «покаянию», «плачу» и пр. Но таких поучений в «Новгородской первой летописи» гораздо

больше, и — главное — они преимущественно кратки; это жесткие формулировки сравнительно с пылкими рассуждениями «Повести временных лет».

Жесткость поучающих высказываний новгородского летописца выражалась в «долбящих» повторах (например, под 1238 г.: «послю на <...> вась недоумение, и грозу, и страх, и трепеть... А недоумение, и грозу, и страх, и трепеть вложи в нас» [6, с. 75]; или под 1374 г.: «Что есть сего зле <...> зло многажды сотворяется <...> наводит на насъ злейшия <...> и не ту злу конецъ» [6, с. 371]). Жесткость своим поучениям летописец придавал и язвительными пословицами и афоризмами («копая подь другомъ яму, сам ся в ню въвадитъ» [6, с. 82, под 1257 г.]; «поженеть единь 100 вась, а оть ста побегнет 1000 вась» [6, с. 87, под 1269 г.]; «еже бо сееть человекъ, то же и пожнеть» [6, с. 97, под 1325 г.]; и пр.). Но особую жесткость вносили прямые обвинения летописца современникам («не разумехомъ своя погыбели <...> наша безакония, и братоненавидение, и непокорение друг къ другу, и зависть, и крестомъ верящеса въ лжю <...> скверньны усты целуемъ» [6, с. 69, под 1230 г.]; «пекущеса о имении и о ненависти братьи» [6, с. 75, под 1238 г.]; «акы пси, обращаемъ на своя блевотины» [6, с. 83, под 1259 г.]; и т.д. и т.п.).

Объяснить жесткую краткость поучений новгородского летописца можно его суровостью и соответственно суровостью новгородских жизненных обстоятельств. Об общественных настроениях XIII–XIV вв. летописец писал скупо и редко, и в подавляющем большинстве это были упоминания о тяжелых переживаниях: «горе уставися велико» [6, с. 69, под 1230 г.]; «туга и печаль <...> скърбь <...> тьска <...> горе» [6, с. 71, под 1231 г.]; «плачь и сетование» [6, с. 72, под 1233 г.]; «смятошаса люди» [6, с. 82, под 1257 г.]; «плакяся <...> весь народ плачемъ великымъ» [6, с. 97, под 1316 г.]; «яко мнети, уже кончина» [6, с. 351, под 1340 г.]; и др.

Из-за суровости обстоятельств не только поучения, но и описания событий тоже были лаконичны и жестки у новгородского летописца (ср. оценки стиля новгородского летописца Д. С. Лихачевым, отметившим «тревожную атмосферу новгородской жизни», породившую в летописном изложении «скорее реестр событий, чем связный рассказ» и авторское «умение сжато и энергично выразить политическую программу в <...> формуле» [4, с. 117, 115, 121]). Вот за счет чего возникла цельность сочетания фактографических сообщений и нравоучительных обращений в «Новгородской первой летописи».

Произведения Родиона Кожуха: склонность к изобразительности

В «Софийской второй летописи» под 1460 г. сочетаются два разножанровых произведения, сочиненные московским митрополичьим дьяком Родионом Кожухом: первое — «того же Родиона Кожюха» «Сказание чудеси великаго чудотворца Варлама, новейшее чудо о умершемъ отроце, еже сдеяся» 30 января 1460 г.; второе — «Творение Родиона Кожюха, диака митрополича» о буре над Москвой 14 июня 1460 г. Здесь интересна не связь фактографии и поучения каждого произведения, а иная общность обоих произведений: агиографический и летописный рассказы, несмотря на жанровую разницу, связаны несомненной изобразительностью и в «Сказании», и в «Творении».

Сначала обратимся к рассказу о буре. Он наполнен повторами предметных мотивов. Так, воздух сам по себе представляется тиходвигающимся или тиходвигающим («воздухи носимо <...> по аеру воздуха парящего» [12, с. 182]); но тут появляется плывущая и разбухающая туча («взыде подь небесы туча на облацехъ <...> и тако поиде <...> совокупляся облакы и тако распространися надо многими месты» [12, с. 182]). Начинается гроза (облака, превратившиеся в тучу, «исполнены водоточнаго естества <...> и пролияше дождь великъ» [12, с. 182]; «молониямъ тогда блистание велие бяше и громъ тутняше <...> огонь въ тучи той <...> яко пламень, распыхаяся» [12, с. 183]). Подымается вихрь («возвеша... вихорь... покровение... снесе; <...> кровы разлома; <...> верхи... сбываше <...> яко прахъ, поверже; <...> храмины до основания земли разоришася; <...> храмы... разнесе; <...> дома, восхищая, разметаше; <...> здания... разшибаше» и т. д. [12, с. 182–183]). И вихрь этот очень широк («на градъ Москву, на многие села и места далече отъ града <...> древесъ неизглаголанное множество на лица поля падошася по многимъ местомъ окрестъ града, исторзаемы и преломляемы» и пр. [12, с. 182–183]). Предметные повторы внесли изобразительную отчетливость в рассказ Кожуха про «велие знамение во граде Москве» [12, с. 182].

Изобразительная резкость, создаваемая повторами, явно необычна для традиционных летописных заметок о странных или страшных природных явлениях и объяснима, по-видимому, индивидуальной чертой Родиона как писателя. Ведь Родион Кожух основывается на показаниях очевидцев: «всемъ зрети» [12, с. 182]; «мнози убо свидетельствовашу» [12, с. 183]; «братиа, видевше таковая <...> мы же, видевши сиа» [12, с. 184]. Но нигде Кожух не оговаривается, что он тоже был очевидцем и где находился во время бури. Вероятнее всего, Родион Кожух собрал воедино и наблюдения собственные, и сообщения очевидцев.

И действительно, Родион Кожух в дополнение к повторам усиливал изобразительность изложения библейскими цитатами: дождевая туча превращалась в необъятные меха с водой («сбирая, яко мехъ, воды морския и полагая во скровищихъ бездны» [12, с. 182]); вихрь превращался в губительное землетрясение («страся землю и смяте ю» [12, с. 183]); молния становилась карающим мечом («поострю мечъ мой, яко молнию <...> убию» [12, с. 183]).

Кроме того, изображение бури Кожух сделал особенно резким благодаря внезапному следствию: от «скороминувшаго оного вихра <...> ничемъ же не вреди никого же отъ всехъ человекъ народа <...> Господь <...> въ мале часе переведе черезъ градъ великую тучю, и того нужне волнуемаго на ны вихра укроти, и тишину воздуха всячески намъ дарова» [12, с. 183].

О том, что склонность к резкой изобразительности была свойственна Родиону Кожуху, свидетельствует и другое его произведение в составе летописи — уже упомянутое «Сказание» о чуде Варлаама Хутынского, который оживил умершего отрока Григория Тумьгенья. Укажем только повторы некоторых мотивов из многих. Отрока на одре мучают судороги («многожды восхапаяся, нападеше на древо <...> нападеше на нь, ово хребтомъ своимъ напрягашеся, ово же грудю своею нападь, корчашеся <...> яко вся составы кости себе изломилша си велми» [12, с. 321]). Отрок изнемог («немоощень еси <...> изнемогаю <...> изнемогъ <...> бяше бо трудень добре и изнемогъ» [12, с. 321]) и умер («испусти духъ... отъиде... умре... мертва повезоша» и пр. [12, с. 321]). Но вдруг ожил («абие возвратися духъ во отрока и бысть живъ <...> абие оживе <...> яко душа его въ немъ есть <...> душа изыде изъ тела и паки вниде, <...> душа отъ тела <...> изыде <...> возвратися» [12, с. 322–323]). Однако говорить отрок еще не мог («ничто же не могий проглаголати <...> онъ же, яко безгласень, ничто же моги провещати <...> провещати не могий <...> языкомъ своимъ провещати не могий» и т. д. [12, с. 322]).

Отчетливость изображения Кожух опять-таки усилил противопоставлением: у умершего отрока «уже и руце его оклячели <...> и въ составехъ уже не сгибашеся», но неожиданно через «долгъ часъ» «почютивъ же себе отрокъ и възбнувъ, яко отъ сна, и абие въскричалъ мертвый гласомъ велиемъ» [12, с. 322].

На склонность Кожуха к изобразительности повествования указывает также приведенное им любопытное признание отрока: «видехъ святаго Варлаама преподобнаго чудотворца во одежи своей, посохъ же бе въ руце его, яко же *на иконе* зряхъ написана его» [12, с. 323].

Разные жанровые формы повествования оказались взаимосвязаны под воздействием личной писательской наклонности Родиона Кожуха.

И последнее замечание. Почему в заголовке «Сказания» о чуде, а оно переписано в летописи первым, перед «Творением» о буре, ссылка кажется нелогичной: «Того же Родиона Кожуха»? А где же тогда предыдущее сочинение Кожуха? Объяснение может быть двояким. Родион Кожух написал о буре раньше, чем о чуде, а составитель «Софийской второй летописи» расположил эти произведения по хронологии событий. Или же этим двум произведениям действительно предшествует какой-то текст Кожуха, и он вроде бы есть: под 1459 г. читается маленький отрывок, который эмоциональными повторами стилистически отличается от обычного летописного изложения: «Зде страхъ, зде беда велика, зде скорбь не мала! <...> чаемъ всемирное пришествие Христово <...> пощади, Владыко, пощади намъ <...> сынъ человеческий приидеть» [12, с. 181]. Этот отрывок фразеологически перекликается с «Творением» Кожуха о буре: «великаго страха... многими скорбьми... пощаде насъ» [12, с.183]. Больше перекличек с окончанием «Творения»: «О, Владыко!» (отрывок) — «своего Владыкы» [12, с. 184]; «безакония наша» — «по безаконию нашему»; «братия... бежи» — «братия... избегше»; «ожидаю покаяния — «покаяния... положивше... покаемся». Возможно, этот панический отрывок также принадлежал Родиону Кожуху, который заявил: «сие лето на конци явися» (перед концом мира), но тут вмешался летописец конца XV в. и трезво отметил: «И того лета не бысть ничто же»², а имя ошибавшегося автора опустил.

В целом же, мы встречаем редкий до XVI в. случай заметного влияния личной одаренности автора на поэтику его произведения.

«Сказание» Авраамия Палицына: философия горестей

Известно, что прозаическое «Сказание» Авраамия Палицына содержит рифмованные отрывки. Но зачем? Смысл сочетания этих разных форм изложения неясен. Попытаемся его определить.

Все рифмованные отрывки находятся в самых трагических местах «Сказания» (в главах 7, 8, 9 — о подготовке поляков и литовцев осадить Троице-Сергиев монастырь; в главах 34, 35 — о падении нравов в монастыре; в главах 45, 46, 47 — о мучениях людей в осаде; в гл. 58 — о смерти Михаила Скопина-Шуйского). Все рифмованные отрывки являлись горестными высказываниями Авраамия Палицына о событиях времени Смуты, и величина таких отрывков все увеличивалась по ходу повествования.

² Я. С. Лурье предполагал, что весь текст под 1459 г. принадлежал летописцу (см.: [5, с. 237]). Однако замечания летописца в летописи все-таки стилистически иные — сухие и фактографичные.

Это были действительно стихи — в отличие от усилительных глагольных перечислений. Так, в главе 8 Палицын сказал о разорении России: к Григорию Отрепьеву «все воры к нему собрався <...> вся древняя царская сокровища истощити. Вся же Росия от ложных царей зле стражет». И далее стихами (по шесть ударных слов в каждой строке):

И богатство от всех градов на цари отъемлемо бывает.
Народ же от околних стран всюду мечь поядает.
Росии убо всей царь Василий Иванович нарицается.
От тушинского же вора все Росийское государство разоряется.
[14, с. 128]

Стихотворная форма у Палицына вносила дополнительный смысл в повествование. Так, самый длинный стихотворный отрывок о несчастях Авраамий Палицын поместил в главе 47 о вылазках обессиленных осажденных: «побивающе множество градских у добытия дров за градом» [14, с. 183]. Двустопишия с четырьмя ударными словами:

И мнозем руки от брани престаху,
Всегда о дровех бои злы бываху.
Исходяще бо за обитель дров ради добытия,
И во град возвращахуся не бес кровопролития.
И купивше кровию сметие и хвастие,
И тем строяше повседневное ястие.
И мученическим подвигом зелне себе возбуждающе,
И друг друга сим спосуждающе.
Идеже сечен бысть младый хваст,
Ту разсечен лежаше храбрых возраст.
И идеже режем бываше младый прут,
Ту растерзаем бываше птицами человеческий труп.
И неблагодарен бываше о сем торг,
Сопротивных бо со оружием прискакаше горд.
Исходяще же нужницы, да обрящут си веницы,
За них же и не хотяще отдааху своя зеницы.
Текущим же на лютый сей добыток дров,
Тогда готовляшеся им вечный гроб.

[14, с. 184]

Первая смысловая особенность отрывка — философическая афористическая парадоксальность событий (расплата за дрова), подчеркиваемая оригинальностью и неожиданностью рифм. Эта тема продолжается тут же в главе и дальше («вкупе вношаеми бываху дрова

и человеческая глава»); она затем выражена и прозаически в этой же главе («выменил еси проклятыя дрова сия другом ли, или родителем, или свое кровию <...> брашну сострояему злейшею ценою <...> кровь твою изьем и испию <...> изьемы друг друга <...> тех поты и кровию напитахомся...» [14, с. 184].

Вторая смысловая особенность же стихотворного отрывка — соотнесение двух комплексов предметных понятий — спасительных и, напротив, губительных: дрова, хворост, прутья, веники, еда — и кровопролитие, рассечение, трупы, потеря зениц, гробы. Такое траурное соотнесение уже относимо к художественным средствам, тяготеющим к метафоре. Ср. в главе 9:

...народ во обители к мукам уготовляется.
Трапеза бо кровопролитнаа всем представляется,
И чаща смертная всем наливается.

[14, с. 131]

Трапеза предлагаемая, чаша наливаемая — муки, кровопролитие, смерть.

Так что, стихотворствуя, Авраамий Палицын эпизодически занимался и художественно-философским осмыслением Смуты. Подобная тенденция, пусть и менее ясно выраженная вкраплениями отдельных двустиший, пронизывает все «Сказание». Недаром Палицын призывал: «И ныне, братия, отверзем умныя зеницы сердца своего и искусно разумеем, чего ради быша нам вся сия наказания от Бога» [14, с. 249].

В ряду произведений о Смуте «Сказание» Авраамия Палицына знаменует новый, художественно-философский, этап (или тип) осмысления прошедших событий, в то время как другие авторы, хотя и писали экспрессивно, однако осмыслили Смуту преимущественно с публицистических, политических либо с историко-толковательных позиций и настоящими стихами не пользовались, или же развлекательными двустишиями составляли концовку произведения.

«Повесть о Горе-Злочастии»: жизненный пессимизм

«Повесть о Горе-Злочастии» по списку первой половины XVIII в. содержит поучения (поучительные «слова-проповеди», собственно поучения и даже поучительную «напевочку»), включенные в сюжетное повествование, притом поучения на одну и ту же тему о благочестивой и о грешной жизнь персонажей: «как ... жить»³ [7, с. 33]; как

³ «Повесть о Горе-Злочастии» цит. по: [7]. В эту публикацию нами внесены мно-

«Богъ... повелель... жити» [7, с. 28]; как кто «хотель жити» [7, с. 30]; какое «житие... Богъ дал» [7, с. 31] и т. д. и т. п.

Все формы изложения в повести тесно связаны друг с другом мотивами и фразеологией.

Рассмотрим, например, примкнувшую к началу повести о Молодце вступительную проповедь, произносимую автором, а не персонажами. Уже давно замечена (Д. С. Лихачев) органичная объединительная связь этой вступительной проповеди с остальной повестью. В чем ее смысл?

Переключка мотивов и выражений вступления с последующим изложением вводила некую развивающуюся историю жизни персонажа в повествование: то, что случилось с человечеством, затем отразилось и на новородившемся Молодце. Так, «учинил Богъ заповедь законную <...> для рождения человеческого» [7, с. 28], — и вот родился Молодец: «Тако рождение человеческое от отца и от матери. Будеть Молодецъ...» [7, с. 29]. Далее: «Ино зло племя человеческо <...> на безумие обратилися» [7, с. 28–29], — а Молодец сначала напротив: «в разуме, въ беззлобии» [7, с. 29]; однако потом: «не в полномъ разуме и несовершен разумомъ» [7, с. 30]; но в конце концов все-таки не лишился «великаго разума» [7, с. 33], «великаго крепкаго разума» [7, с. 36]. Далее: «Богъ... велель... бракомъ и женитьбамъ быть» [7, с. 28], — и Молодец соответственно «присмотрил невесту себе по обычаю, захотелоя Молодцу женитися» [7, с. 33]. Наконец: «господь Богъ... приводя нас на спасенный путь» [7, с. 29], — и в конце повести «спамятуеть Молодецъ спасенный путь» [7, с. 38].

История жизни, составленная из мотивов и выражений, переключющихся во вступлении и основном изложении повести, имеет преобладающую направленность к плохому или к еще более худшему: «А се роди <...> учели жить в суете» [7, с. 29], — Молодец же дошел совсем до «жития сего позорного» [7, с. 36]; на людские роды «господь Богъ разгневался, <...> попустиль на них скорби великия <...> злую немерную наготу и босоту» [7, с. 29], — а Молодцу досталось наказание, пожалуй, более мучительное: по его признанию, «господь Богъ на меня разгневался», и испытал Молодец «нужду великую <...> бедность, великия многия скорби неисцельныя, и печали неутешныя <...> изъсушила печал <...> сердце невесело <...> очи замутились» и пр. [7, с. 32–33]; Молодцу «нагому-босому шумить разбой» [7, с. 35], «чтобы Молодца за то повесили или с камнемъ въ воду посадили» [7, с. 38].

То же связанное движение от хорошего к плохому отражают фразеологические повторы из поучения родителей Молодцу в рассказе о его последующей жизни. Родители призывают Молодца: «ты послушай учения родителскаго <...> не пей, чадо, двух чар за едину <...> не ло-

гочисленные поправки по снимку рукописи РНБ, собр. Погодина, № 1773 в. [2].

жися, чадо, в место заточное <...> да не сняли бы с тебя драгих портъ, не доспели бы тебе <...> племяни укуру <...> не думай украст-ограбити» [7, с. 29–30]. Поведение Молодца благодаря фразеологическим повторам резко противопоставлено благим наставлениям. Он признается: «ослушался язъ отца своего и матери» [7, с. 32]; он из тех, «хто родителей своих <...> не слушаеть» [7, с. 36]. Он не ограничился одной чарой, а «испивал чару зелена вина, запивал он чашею меда слатково, и пил он, Молодецъ, пиво пьяное» [7, с. 31]; противоположности: «где пил, тут и спати ложился <...> сняты с него драгие порты» [7, с. 31]. Не об укуре теперь идет речь: от Молодца «род и племя отчитаются, все друзи прочь отпираются» [7, с. 31]. А там «Горе <...> научаетъ Молотца <...> убити и ограбити» [7, с. 36].

Поучение «людей добрых» Молодцу фразеологически тоже связано с основным рассказом и движением от хорошего к плохому. Ограничимся одним примером. «Люди добрыя наставляють Молодца: «покорися ты другу и недругу, поклонися стару и молоду» [7, с. 33]. Молодец же выбрал самое худшее: «не к лѣбому он учнетъ упадыват и учнетъ он недругу покарятися <...> покорился Горю нечистому, поклонился Горю до сыры земли» [7, с. 36]. Искал Молодец учителей, а попал к самому плохому.

Наконец, «напевочка» Молодца ясно свидетельствует о преобладании плохого над хорошим. Также приведем лишь один пример. Молодец вспоминает: «мне быти *белешенку*» [7, с. 37]. Этот мотив проходит почти через всю повесть, но становится все трагичнее после того, как «вставал Молодец на *белыи* ноги <...> умывал он лице свое *белое*» [7, с. 31]: «надевал он гунку кабацкую, покрывал он свое тело *белое*» [7, с. 31]; затем стало его «*белое* лице унынливо» [7, с. 33]; а потом — полное отчаяние: «ино кинус я, Молодецъ, в быстру реку, — полощы мое тело, быстра река; ино еште, рыбы, мое тело *белое*» [7, с. 35–36]. Печальный итог Молодец афористически подвел своей «напевочкой»: «что мне быти *белешенку*, а что родился головенкою» [7, с. 37].

И есть еще один смысл, вносимый повторами в повесть. Почти каждый фразеологический повтор не соседствует близко со своей парой, пары разнесены, как правило, далеко друг от друга, потому что отражают длительность жизненных процессов. И действительно, Молодец долго ищет себе подходящих учителей, то одних, то других; «учение» превратилось в длительный процесс; Молодец не сразу предался пьянству; его не сразу стали увещевать «люди добрыя»; Горю не сразу удалось покорить Молодца; его не сразу перевезли «за быстру реку»; Молодец не сразу решился вернуться к родителям; Молодец не сразу попытался скрыться от Горя и далеко не сразу «в монастыр пошел постригатися» [7, с. 38]. Отличие от стремительных рассказов летописи здесь разительно. Для автора «Повести о Горе-Злочастии» со-

бытия развивались от хорошего к плохому постепенно и мучительно.

Развитие мотивов от хорошего к плохому, вероятно, объяснимо пессимистическим представлением автора повести, и не только думами о Молодце, а ощущением обманчивости современной ему человеческой жизни вообще [3, с. 701–710]. Однако отчетливых формулировок этой идеи в повести не найти. Вероятно, то была философски не осознанная, стихийно сложившаяся у автора идейная тенденция.

Проделанные наблюдения помогают объяснить сам феномен взаимодействия разных жанровых форм в произведении: синкретичная множественность задач у автора — фактографической, философской, проповеднической, эмоциональной и изобразительной — привела к сочетанию разных форм повествования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг.: ИОРЯС, 1916. 205 с.

2 *Демин А. С.* О художественности древнерусской литературы. М.: Языки русской культуры, 1998. 848 с.

3 *Демин А. С.* Обманчивость «жития» как художественная идея «Повести о Горе-Злочастии» // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Знак, 2008. Сб. 13. С. 701–710.

4 *Лихачев Д. С.* Новгородская летопись XIII–XIV вв. // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2: Литература 1220-х–1580-х гг., ч. 1. С. 114–121.

5 *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука, 1976. 286 с.

6 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / изд. подгот. А. Н. Насонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.

7 Памятники литературы Древней Руси (ПлДР): XVII век. Кн. 1. М.: Худож. лит., 1988. 704 с.

8 Памятники литературы Древней Руси: XI — начало XII века. М.: Худож. лит., 1978. 413 с.

9 Памятники литературы Древней Руси: XII век.. М.: Худож. лит., 1980. 704 с.

10 Повесть временных лет / изд. подгот. Д. С. Лихачев. СПб.: Наука, 1996. 668 с.

11 Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1 / текст летописи подгот. Е. Ф. Карский. 496 с.

12 Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. Т. 6. 364 с.

13 *Симони П. К.* Повесть о Горе-Злочастии... // Сборник Отделения русского языка и словесности (ОРЯС). СПб., 1907. Т. 83, № 1. С. 1–88.

14 Сказание Авраамия Палицына / изд. подгот. О. А. Державина и Е. В. Колосова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 346 с.

REFERENCES

1 Abramovich D. I. *Zhitiia sviatykh muchenikov Borisa i Gleba i sluzhby im* [The life of martyrs Boris and Gleb]. Petrygrad, IORIAS Publ., 1916. 205 p. (In Russ.)

2 Demin A. S. *O khudozhestvennosti drevnerusskoi literatury* [On Old Russian fiction].

Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 848 p. (In Russ.)

3 Demin A. S. Obmanchivost' «zhitiia» kak khudozhestvennaia ideia «Povesti o Gore-Zlochastii». *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Moscow, Znak Publ., 2008, collection 13, pp. 701–710. (In Russ.)

4 Likhachev D. S. Novgorodskaiia letopis' XIII–XIV vv. *Istoriia russkoi literatury* [Novgorodskaya Chronicle of the 13th–15th centuries and history of Russian literature]. Moscow, Leningrad, 1946. Vol. 2: Literatura 1220-kh–1580-kh gg., part 1, pp. 114–121. (In Russ.)

5 Lur'e Ia. S. *Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv.* [United Russian chronicles, 14th–15th centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 286 p. (In Russ.)

6 *Novgorodskaiia pervaiia letopis' starshego i mladshhego izvodov* [Novgorodskata first chronicle], izd. podgot. A. N. Nasonov. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1950. 642 p. (In Russ.)

7 *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi (PLDR): XVII vek. Book 1* [Literary works of Old Rus', 17th century]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1988. 704 p. (In Russ.)

8 *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi (PLDR): XI – nachalo XII veka* [Literary works of Old Rus', 11th – the beginning of the 12th centuries]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1978. 413 p. (In Russ.)

9 *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi (PLDR): XII vek* [Literary works of Old Rus', 12th century]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1980. 704 p. (In Russ.)

10 *Povest' vremennykh let* [The Story of bygone times], izd. podgot. D. S. Likhachev. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. 668 p. (In Russ.)

11 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. Vol. 1 / tekst letopisi podgot. E. F. Karskii. 496 p. (In Russ.)

12 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. St. Petersburg, Tip. E. Pratsa Publ., 1853. Vol. 6. 364 p. (In Russ.)

13 Simoni P. K. Povest' o Gore-Zlochastii... [The story of unfortunate misfortune] *Sbornik Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti (ORIA S)* [Collection of works the Dep]. St. Petersburg, 1907, vol. 83, no 1, pp. 1–88. (In Russ.)

14 *Skazanie Avraamiia Palitsyna* [Saying of Avraamy Paitsyn], izd. podgot. O. A. Derzhavina i E. V. Kolosova. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1955. 346 p. (In Russ.)